

Когда Ше Цзе увязал воедино все ниточки этой истории, его окончательно охватило глубокое недоумение. Все это звучало настолько неправдоподобно, что даже у него, юноши с непревзойденным воображением, голова пошла кругом.

— И все-таки мне кажется, что твоим хозяином скорее был Отец-семечко, — без утайки поделился своими подозрениями Ше Цзе с Небесным камнем. — Посуди сам: твой господин ведь прибыл в Великую Ци двенадцать лет назад? Да, именно двенадцать лет назад, никак не больше тринадцати. Я отлично помню, что подобрал Отца-семечко, когда мне было три года.

Однако Небесный камень лишь выдал в ответ безликие строки:

[Прошу прощения, я не понимаю, о чем вы говорите. Вы можете попробовать следующие варианты запросов...]

— Чего? — лицо Ше Цзе вытянулось от крайнего изумления. «Неужели у этой диковины есть и такие скрытые приемы?» — безмолвно вопрошал его взгляд.

Что было дальше? Разумеется, Ше Цзе не привык отступать. Проявляя завидное упорство, он пытался зайти с разных сторон, переформулируя вопросы на все лады, но таинственный артефакт упрямо отказывался его понимать, раз за разом выдавая один и тот же сухой ответ.

Лишь спустя какое-то время до него наконец дошло: этот Небесный камень вовсе не волшебное сокровище, способное вести с ним непринужденную беседу, а скорее хитроумный механизм. Кто-то заранее заложил в него ответы на возможные вопросы. Если Ше Цзе угадывал нужные слова, прибор откликался, но стоило ему спросить о чем-то непредусмотренном, как Небесный камень выдавал дежурное извинение.

У Ше Цзе разболелась голова. Обхватив руками щеки и натянув легкое одеяло на макушку, он с досадой уставился на лежащий перед ним гладкий булыжник. Что же делать дальше? Был ли он истинным хозяином этого камня? Или им владел кто-то другой? Стоило ли вернуть находку? И главное — как это сделать?

Вопросов оказалось слишком много для его бедной головы. Все они перепутались и связались в плотный, тугой узел, из которого никак не удавалось вытянуть ни единой спасительной ниточки. От такого умственного напряжения у едва оправившегося от недуга Ше Цзе вновь подступила легкая дурнота.

На сей раз Ше Цзе хотя бы не мутило — судя по всему, изнурительный период бесконечной тошноты наконец-то миновал. Однако пока он разглядывал артефакт, его веки отяжелели и предательски поползли вниз. Голова начала мерно покачиваться. Юношу клонило в сон, и неудивительно: за окном давно уже взошла луна, запутавшись в ветвях ив, ночь стояла безветренная и тихая, а время перевалило далеко за час, когда он обычно ложился спать.

Если бы Ше Цзе заставили выбрать самого пленительного и желанного гостя во всей Поднебесной, он без колебаний назвал бы Чжоу-гуна, покровителя сновидений. Устоять перед его призывом не мог никто. Решительно никто!

Когда Ше Цзе вновь открыл глаза, комнату уже заливал яркий утренний свет. Он опять благополучно проспал час, когда по улицам и переулкам проходили синчжэ, оглашая окрестности мерным звоном железных пластин.

Эти синчжэ были послушниками, проходящими монашескую службу. Они выполняли самую тяжелую работу, трудились от зари до зари за сущие гроши, но от желающих все равно не было отбоя. Стоило вытерпеть эти невзгоды и стать полноценным монахом, как перед человеком открывались весьма заманчивые перспективы.

Важнейшей обязанностью синчжэ было возвешение рассвета. Двое или трое послушников брали под надзор целый квартал. Едва восток начинал светлеть, как они отправлялись бродить по улочкам, колотя по железным дискам и напоминая горожанам, что пора вставать и приниматься за дела. Поговаривали, что при этом они нараспев читали буддийские сутры о спасении всех живых существ от страданий и мимоходом предсказывали погоду на день.

В императорской столице Юнцзи служба вестников была куда суровее. В дни утренних аудиенций они непременно выкрикивали: «Сегодня четыре доклада!» или «Сегодня два доклада!», дабы спешащие во дворец сановники не смели опаздывать.

Было ли так на самом деле? Ше Цзе лишь пожал бы плечами. Откуда ему знать? Он отродясь не видел рассвета в пятую стражу!

Кхм, впрочем, оставим вестников-послушников в покое. Пробудившись, Ше Цзе почувствовал себя бодрым и полным сил. К нему наконец-то пришло ясное понимание.

Зачем вообще терзаться мыслями о том, кому принадлежит этот камень?

Так или иначе, пока артефакт находится у него, он должен за ним присматривать. Если он окажется его законным владельцем, то станет пользоваться им с чистой совестью. Если же нет — что ж, до тех пор, пока хозяин не отыщется, можно ведь и просто одолжить вещь на время?

Для начала следовало попросить старого управляющего отправить людей в столичную усадьбу принцессы в Юнцзи. Пусть обследуют тамошний сад с искусственными горками — вдруг волшебное семечко все еще там, просто он в детстве плохо искал? Если же его там не окажется, придется расширить поиски: разузнать, нет ли в окрестностях Юнцзи сирот лет десяти от роду, неважно, мальчиков или девочек. Ну а ежели и это не принесет плодов, он самолично отправится в путь, прихватив с собой Небесный камень. В конце концов, если у артефакта есть другой хозяин, при встрече с ним камень непременно как-то себя проявит.

Почему именно десяти лет? Ше Цзе рассуждал так: в течение трех лет после того, как он

посадил семечко, оно так и не приняло человеческий облик — это он видел своими глазами и не мог ошибиться. Значит, превращение могло случиться лишь в промежутке между его шестым годом жизни, когда его забрали во дворец, и восьмым, когда он спохватился, что семечко исчезло. Сейчас ему исполнилось пятнадцать, так что таинственному существу никак не могло быть больше десяти.

— Ты обмолвился, что станешь помогать мне в жизни, — Ше Цзе, наконец избавившись от лишних забот, с легким сердцем обратился к артефакту. — И в чем же выражается эта помощь?

Небесный камень послушно отозвался на запрос:

[Выполнен запрос информации. Обнаружено текущее местоположение субъекта: шестнадцатый день седьмого месяца первого года правления под девизом Нинхэ Великой Ци. Временная шкала синхронизирована автоматически. Желаете ли вы активировать режим ознакомления с историческими хрониками?]

«История?» — удивился Ше Цзе.

«Активируй».

[Династия Ци (960-1279 гг.) — историческая эпоха, сменившая династию Лян и предшествовавшая династии Фан. Разделяется на периоды Северной Ци и Южной Ци. Насчитывает правление восемнадцати императоров, общая продолжительность существования государства составила триста девятнадцать лет. Общая площадь территорий... Численность населения... Плотность населения в двух столицах составляет...]

Ше Цзе лишился дара речи.

«Матушка небесная, кажется, я и вправду подобрал нечто невероятное!»

Как раз в этот момент двери тихонько отворились. Служанки, прекрасно знавшие привычное время пробуждения молодого господина, чинно вошли в покои во главе целой вереницы слуг, прервав изыскания Ше Цзе. Восемь безмолвных дев-прислужниц со знанием дела, без единого лишнего шороха принялись за свои обязанности, помогая Ше Цзе встретить новое утро.

Умывшись и переодевшись, юноша стал примерять новые, только что сшитые хуские сапоги, одновременно выслушивая доклад старого управляющего.

Едва переступив порог, старый управляющий не стал торопиться с речами. Завидев сегодняшний наряд Ше Цзе, он сердито зыркнул на старшую служанку. Молодой господин заперт в четырех стенах и может не ведать, что творится за воротами, но она-то куда смотрела? Позволить хозяину облачиться в хуские одежды в столь беспокойное время!

Двор Великой Ци еще прежде издавал указ, запрещающий хуское платье и не одобряющий варварские фасоны, однако строго за этим никто не следил. Одежда северных племен с ее узкими рукавами и плотным кроем была несравненно удобнее традиционных просторных халатов, к тому же выглядела броско и ладно, со временем превратившись в излюбленную моду среди молодежи. В итоге запрет привел лишь к тому, что простые горожане носили такое платье тайком, а изнеженные сынки благородных семейств — янеи — щеголяли в нем открыто, из-за чего власти сквозь пальцы смотрели на это нарушение.

Но теперь все переменялось. Великая Ци лишилась северных земель, варвары захватили саму императорскую столицу, и ненависть народа к чужакам достигла предела. Чинуши и книжники, умевшие лишь попусту сотрясать воздух каллиграфическими кистями, не имели мужества сражаться на поле боя, зато с упоением предавались внутренним распрям и обожали выискивать малейшие провинности у ближних.

Стоило Ше Цзе сделать хоть шаг за ворота в этом наряде, как на следующий же день какой-нибудь ретивый цензор подал бы императору жалобу, написанную кровью, а то и вовсе расшиб бы себе лоб у горы Фэнхуан в знак протеста против поклонения варварским обычаям.

Старшая служанка и сама изнывала от досады. Разве была она столь глупа, чтобы не понимать опасности? Конечно, она ведала, что хуское платье сейчас под негласным запретом, но если молодой господин упрямо пожелал надеть именно его, как она могла отказать? Настаивать на своем? Но это лишь пробудило бы в нем лишние подозрения. Их господин вовсе не глуп, и начини он допытываться до причин, тайна о том, что Великая старшая принцесса-покровительница государства сейчас проливает кровь в префектуре Интянь, непременно выплыла бы наружу. И кто бы тогда держал ответ?

Старый управляющий тоже быстро смекнул, в чем дело, а потому решил действовать мягкостью. Он не стал перечить Ше Цзе, но твердо положил себе в уме: сегодня молодому господину нельзя показываться гостям. Отдав вполголоса несколько распоряжений, он отправил расторопного слугу в передний двор, дабы тот вежливо спровадил визитеров.

— Кто там пришел? — внезапно любопытствовал Ше Цзе, хотя прежде его мало занимали подобные мелочи.

— Наш новый сосед, только недавно обосновавшийся поблизости, — ответил управляющий.

Да, спесивый старейшина Гао, чей зять прежде заправлял делами при дворе, с позором убрался восвояси. Старый управляющий с завидной прытью приказал прибрать опустевшую усадьбу и сразу же нашел нового жильца.

Приезжий благородный господин, снявший соседний дом, оказался на редкость обходительным. С раннего утра он самолично явился засвидетельствовать почтение и даже принес с собой дары, которые наверняка пришлись бы Ше Цзе по душе. Гость терпеливо дожидался в гостиной, пока молодой хозяин изволил пробудиться, демонстрируя безупречные манеры. Он выпил уже не одну чашку чая, но на его лице не отразилось и тени недовольства.

«Не зря матушка-принцесса столь высокого мнения об этом юноше», — размышлял про себя старый управляющий. Не будь время столь беспокойным, следовало бы непременно свести молодого господина с соседом поближе — по крайней мере, не допускать между ними никаких досадных размолвок.

Пока управляющий предавался раздумьям, Ше Цзе зря времени не терял. Накинув легкое верхнее платье, выбранное по совету Небесного камня, он критически оглядел себя в зеркале — наряд и впрямь подчеркивал его статную, изящную фигуру.

[В базе данных содержится более трех миллионов вариантов подбора одежды, основанных на модных тенденциях планеты Земля из галактики Млечный Путь. Гарантирую подбор наиболее подходящего облачения для любого случая. К вашим услугам персональный стилист круглые сутки.]

Большую часть заморских слов Ше Цзе не понял, но это его мало заботило. Он без труда догадался о главном: штуковина помогает одеваться со вкусом. Надо же, небожители в своих заоблачных чертогах действительно знают толк в развлечениях!

Пребывая в превосходном расположении духа, он тихонько напевал раздольный мотив южных речных краев и между делом спросил о плате за дом.

Старый управляющий опешил. Он никак не ожидал от молодого господина подобного вопроса и лишь после некоторого замешательства ответил:

— Десять связок медных монет в месяц.

Прежде чем Ше Цзе успел сообразить, много это или мало, Небесный камень мгновенно произвел в его голове расчеты, указывая на то, что плата занижена до неприличия:

[В ранний период Северной Ци стоимость элитных усадеб в лучших кварталах Юнцзи составляла не менее десяти тысяч связок монет, а к концу эпохи взлетела до сотен тысяч связок. Каждый вершок земли ценился на вес золота. Аренда подобных подворий в былые времена обходилась в пятнадцать связок монет в месяц, а впоследствии поднялась до ста связок в день. В настоящее время вы находитесь в Цзянцзо, где плотность населения и цены уступают столичным, но все же значительно превосходят показатели начала правления династии. Десять связок в день — наиболее справедливая плата для подобного жилища.]

А этот новый сосед платил десять связок не в день, а в месяц!

Прежде Ше Цзе совершенно не разбирался в подобных тонкостях. Даже когда старый управляющий показывал ему расходные книги, сухие цифры мгновенно выветривались у него из головы. Однако благодаря подсказке Небесного камня до него наконец дошло: управляющий проявил к новому жильцу поистине невиданную щедрость. С чего бы это? Неужто старика обвели вокруг пальца? Или этот гость доводится ему родным сыном?

Когда Ше Цзе прямо указал на несообразность платы, старый управляющий оцепенел от изумления. Молодой господин сегодня явно превзошел сам себя!

— Таково было повеление Ее Высочества императорской принцессы, — не решившись лгать, признался управляющий.

— Моей матушки? — удивился Ше Цзе. Для кого это императорская принцесса решила сделать столь щедрое одолжение? И если хорошенько подумать, единственным его знакомым, за чьей спиной незримо маячила фигура матушки, был... Фан Чаоцы?!

В груди у Ше Цзе шевельнулось дурное предчувствие. Он вихрем вылетел из комнаты, двигаясь столь стремительно и легко, словно и не лежал в беспамятстве еще несколько дней назад. Оставив далеко позади вереницу встревоженных слуг, мчавшихся за ним по пятам, он ринулся по боковому коридору в обход парадных покоев и успел нагнать гостя у самых ворот.

Как назло, худшие предчувствия оправдались: перед ним действительно стоял Фан Чаоцы!

В тот же миг в его сознании вновь ожил голос Небесного камня:

[Фан Чаоцы, второе имя... прозвище... Известнейший коварный временщик и предатель эпох Северной и Южной Ци. Служил при дворах четырех правителей: Вэнь-ди, Шэнь-цзуна, императрицы и Ин-цзуна. Способствовал восхождению на престол императрицы Су, исполнял обязанности регента...]

Ше Цзе остолбенел.

Из-за крайнего потрясения юноша не успел вовремя затормозить. Ноги его заплелись, и коварная сила земного притяжения сделала свое дело: споткнувшись на ровном месте, он со всего размаху полетел прямоком в раскрытые объятия Фан Чаоцы.

Юный всадник в хуском платье, примчавшийся на крыльях ветра — столь яркий, статный и пленительный, что краше его не сыскать во всей Поднебесной.

<http://bllate.org/book/19472/1964097>